

Всё-таки старый министр мастерски увиливает от работы. Будучи главным лицом, он всё же нашел предлог сослаться на слабое здоровье и переложил всё на управляющего Цзинь. У людей правого премьер-министра действительно легкая рука на кадры, ни капли их не жалеют.

Бай Юйхуэй обернулся и с улыбкой произнес:

— Сам-то ты горазд жалеть людей, может, пойдешь вместо управляющего Цзинь войсками командовать?

— ...Не смею, младший не смеет.

— Не смеешь — так и не говори. Разве мало бед происходит из-за сболтнутого лишнего?

Подчиненный торопливо долил чаю, показал язык и быстрой трусцой удалился.

Отработав положенные часы во второй половине дня, Бай Юйхуэй уже собирался вернуться в поместье, как в него со всех ног вребся ворвавшийся заместитель Ли.

Заместитель Ли бережно придерживал двумя руками два золотистых ананаса и с воодушевлением окликнул его:

— Смотри, как удачно я зашел! Знал ведь, что ты вернешься в поместье ровно в срок. Я так спешил, так торопился и всё же успел. Это свежие ананасы, возьми с собой, отведай.

Бай Юйхуэй приподнял их за листья и спросил:

— Откуда они?

— Левый премьер-министр только что угостил, всего дал четыре штуки. Одну я отдал нашему господину, одну оставил себе, а помня, что ты любишь всякую кислятину, захватил тебе парочку.

Заместитель Ли улыбнулся:

— Левый премьер-министр хоть и пожурил меня за излишнюю безрассудность и импульсивность, но в конце концов всё равно одарил свежими ананасами. Скажи, разве в глубине души левый премьер-министр не одобряет меня?

Бай Юйхуэй произнес:

— Если память мне не изменяет, помощник министра Чжоу, из-за которого ты сегодня не смог

подняться с постели, больше всего на свете любит ананасовые пирожные...

Мда?

Заместитель Ли остолбенел: рот приоткрыт, белки глаз ярко контрастируют со зрачками, сам замер, словно на него наложили парализующее заклинание.

— Т-ты... что ты имеешь в виду? Хочешь, чтобы я отнес их помощнику министра Чжоу?

— Я так, к слову пришлось. Смотри, как тебя испугал. У меня еще есть личные дела, пойду первым, до завтра.

Бай Юйхуэй прихватил ананасы и, не чуя под собой ног, поспешил обратно в поместье.

Бай Лань как раз болтал на улице с местной свахой. Когда он вовсю увлеченно щебетал, то увидел спешащего к нему Бай Юйхуэя, который прижимал к груди два ананаса.

Бай Лань тут же сообразил, вежливо распрощался со свахой и бросился встречать своего господина.

— Господин, где это вы раздобыли такую диковинку? На рынке ведь еще ничего подобного не продают!

Бай Юйхуэй не останавливаясь сунул ананасы в объятия Бай Ланя и распорядился:

— Тщательно очисти и приготовь ананасовые пирожные.

Бай Лань подпрыгнул от радости на три чи:

— Господин, вы помните, что я обожаю ананасовые пирожные? Я так тронут!

Шаг Бай Юйхуэя замедлился, на лице промелькнуло смущение, и он с улыбкой произнес:

— Это не тебе...

Улыбка на лице Бай Ланя мгновенно застыла.

...Какое-то время они стояли на небольшом расстоянии друг от друга, испытывая неловкость.

Внезапно Бай Лань кое о чем догадался.

— Господин, вы ведь это кому-то подарить хотите?

Бай Юйхуэй слегка удивился, но тут же успокоился:

— Поторопись, не упusti время.

Наступила ночь. Не было ни звезд, ни ветра; хотя на улице ярко горели фонари, прохожих заметно поубавилось.

Бай Юйхуэй с корзинкой в руке, набросив легкую накидку, неспешно зашагал по улице, которую исходил уже вдоль и поперек, и остановился перед хорошо знакомыми ему киноварно-красными воротами, где тайком бывал уже много раз.

Охрану выставило поместье правого премьер-министра, а слуги при премьере набрались опыта и отлично умели разбираться в люд людях.

Хотя они не смогли узнать, что за важная птица этот выглядящий довольно строгим молодой человек, многолетний опыт подсказывал им: перед ними не простой обыватель.

Стражники вежливо сошли со ступеней и почтительно осведомились:

— Кто пожаловал? По какому делу?

— Доложите вашему господину: Минъюнь просит о встрече.

Вскоре Бай Юйхуэя провели в резиденцию Цзинь Линьюэ.

Двор оказался небольшим, но безупречно чистым — ни цветов, ни травы, не было даже дерева, способного дать тень.

Дорожка, ведущая прямо к парадному залу, была выложена белыми каменными плитами, а по обеим сторонам стояли круглые каменные тумбы.

Высота тумб в точности позволяла присесть и отдохнуть, казалось, их расставили специально для утомленных дорогой гостей.

Однако в глазах Бай Юйхуэя всё это было лишь хламом, бередящим старые воспоминания.

Каменные тумбы располагались в определенном порядке, в который нужно было взглядеться, чтобы понять суть.

Бай Юйхуэю хватило одного взгляда, чтобы узнать здесь замысловатый механизм, способный в критический момент сослужить добрую службу.

Цзинь Линьюэ как раз принимал ванну, когда услышал о визите Бай Юйхуэя; набросив наспех верхнюю одежду, он замер в ожидании у входа в главный зал.

Длинные черные волосы до пояса ниспадали водопадом, а не высохшие капли воды стекали по темным прядям и с глухим стуком капали на белые каменные плиты.

Он думал, что Бай Юйхуэй и вправду решил провести между ними четкую черту, притворяясь чужаками до тех пор, пока... не истечет срок.

И всё же он пришел. Пришел по собственной воле.

Цзинь Линьюэ испытывал удивление, волнение и едва заметную долю обиды.

В тот год виноват был несомненно Бай Юйхуэй, с чего бы спустя столько времени ему не испытывать ни капли раскаяния, да еще вести себя так, будто это Цзинь Линьюэ навязывается и заискивает?

Цзинь Линьюэ прищурился, пытаясь рассмотреть человека, которого знал целых десять лет, но понял, что тот действительно изменился.

Когда-то живой и озорной юноша остался по-прежнему хорош собой, но улыбка в уголках глаз неизменно говорила окружающим: шутить с ним не стоит.

Даже сейчас, когда Бай Юйхуэй тихо стоял у подножия ступеней, слегка задрав голову и встречаясь взглядом с Цзинь Линьюэ, последний всё равно чувствовал, что не может его разглядеть.

Некогда мягкие черты лица словно оспорили лезвием ножа: резкие линии выдавали твердость характера, к которой примешивалось опасное ожесточение.

Густые брови, прежде украшавшие пару выразительных, полных глубоких чувств глаз, теперь смотрели с той же улыбкой, но неизменно излучали отчужденность.

Заметив, что за спиной Цзинь Линьюэ на камне уже набежало мокрое пятно, Бай Юйхуэй прервал тишину:

— Я принес твои любимые ананасовые пирожные.

Цзинь Линьюэ скользнул взглядом по небольшой шкатулке и произнес:

— Разве в это время года уже поспевают ананасы?

Бай Юйхуэй с корзинкой в руке уверенно прошел в зал и с улыбкой ответил:

— Чего только нет в императорском дворце, удивляться тут нечему.

Поставив шкатулку на низкий столик, он достал из рукава платок и, не дожидаясь реакции Цзинь Линьюэ, принялся сам вытирать капли воды с кончиков его волос.

— Пусть погода уже не столь холодна, нельзя же так пренебрегать своим здоровьем.

Платок мгновенно намок от воды; Бай Юйхуэй отжал его и продолжил вытирать волосы, говоря:

— Завтра ты отправляешься в служебную командировку, будь осторожен в дороге. С вами едет министр общественных работ, так что ты будешь лишь в роли сопровождающего, не стоит проявлять излишнюю ретивость. Силы на Юго-Западе уже приведены в порядок в прошлый раз, так что при переброске войск не возникнет преград. Случись что — советуйся с министром Жэнем из ведомства общественных работ. Он человек в возрасте, всегда...

Цзинь Линьюэ всем телом вздрогнул, резко развернулся и намертво вцепился в руку Бай Юйхуэя, державшую платок.

Длинные волосы в ладони Бай Юйхуэя струились гладким шелком, ускользая меж пальцев. Легкое щекочущее ощущение на подушечках пальцев заставило его невольно усмехнуться.

Взглянув же на Цзинь Линьюэ, он увидел предельно серьезное лицо.

— Бай Минъюнь, какие игры ты снова затеял?

Бай Юйхуэй попытался высвободить руки, но безуспешно.

Тогда он позволил Цзинь Линьюэ и дальше крепко удерживать себя и с улыбкой произнес:

— Какие могут быть игры? Узнав, что ты уезжаешь в дальнюю дорогу, примчался сломя голову принести твои любимые пирожные. Что, не хочешь есть? Тогда я заберу их...

Цзинь Линьюэ толкнул его, и Бай Юйхуэй с размаху вре S-образную колонну у входа, ощутив спиной неприятную жесткость дерева.

Цзинь Линьюэ сделал шаг вперед, прижав Бай Юйхуэя к своему телу.

Бай Юйхуэй от толчка слегка пошатнулся и не успел выпрямиться, так что теперь Цзинь Линьюэ смотрел на него сверху вниз, оказавшегося на полголовы ниже, и процедил сквозь зубы:

— Когда ты в прошлый раз давал мне такие наставления? Аккурат за день до того, как бросил меня. Что? Снова собрался прятаться от меня три года?

Расстояние между ними было ничтожно малым.

Аромат свежей после купания кожи неожиданно ударил в нос.

Бай Юйхуэй прикрыл глаза, предаваясь этому опьяняющему чувству.

— Говори! Что в конце концов произошло три года назад?!

...Да что могло произойти?

В голове Бай Юйхуэя на мгновение стало пусто. Мысли парили, словно в бескрайнем океане: не видно ни начала, ни конца, сознание вздымалось вместе с пенными барашками волн, растворялось и снова поднималось...

Заметив его затуманенный взгляд, Цзинь Линьюэ словно помрачился рассудком и, наклонившись, легко коснулся губами лба Бай Юйхуэя.

Этот невесомый, словно перышко, поцелуй мгновенно вернул блуждающие мысли Бай Юйхуэя в реальность.

Оба замерли, глядя друг на друга с изумлением. Во взглядах переплелось всё — то, что хотелось вспомнить, и то, что хотелось забыть, хлынув потоком горной лавины.

Бай Юйхуэй всё же обладал большей выдержкой: отвел взгляд, пару раз легко кашлянул, оттолкнул прижимавшегося к нему Цзинь Линьюэ и с улыбкой произнес:

— Вэнь-янь, ты... должен ненавидеть меня.

Цзинь Линьюэ горько усмехнулся:

— Верно, я должен тебя ненавидеть.

Летом три года назад они были соучениками в одной школе — парой непослушных бунтарей, от которых у учителя то и дело дергались брови и усы.

Пользуясь тем, что наставник потерял бдительность, они сбегали с горы: то дразнили дворовых псов, то гонялись за кошками, то привлекали чужое внимание.

И вот однажды, совершив редкое благое дело, они подобрали тяжело раненого юношу.

Кто бы мог подумать, что этот человек окажется той самой змеей из притчи о господине Дунго, о спасении которой тот горько пожалел перед смертью.

Молодой человек получил свои раны из-за того, что провалил покушение на их учителя, и теперь умирал по дороге обратно с заданием.

Прятели хотели спрятать его, а исцелив, преподнести учителю сюрприз, чтобы тот взглянул на них по-новому.

Но похвалы от наставника они не дождались — вместо этого пришла страшная весть: учитель скончался от яда.

Услышав об этом от личного управляющего наставника, они поначалу решили, что учитель просто разгневался на их самовольные отлучки и теперь так шутит.

Но увидев лужи черной отравленной крови на земле, они поняли, какую беду натворили.

Они обыскали буквально каждый уголок горы, пока не нашли окрепшего волка-одиночку.

Помня об их спасении, молодой человек поначалу не хотел причинять им вреда.

Однако настойчивость Цзинь Линьюэ вынудила того взяться за оружие.

Юноша искусно владел ядами: когда Цзинь Линьюэ рухнул на землю, изо рта у него, как у учителя, хлынула черная кровь, и казалось, он вот-вот последует за наставником.

В сердце Бай Юйхуэя всколыхнулась темная злоба, и они сошлись с убийцей в смертельной схватке.

Его и без того стремительные удары на этот раз несли в себе чистую жажду убийства, и противник быстро сдал позиции.

Бай Юйхуэй не дал ему передышки и, более того, не оставил шанса выдать противоядие.

Человек, которого они сами спасли, погиб столь нелепой смертью от его рук.

Это был первый человек, которого убил Бай Юйхуэй.

Не раздумывая больше ни о чем, он взвалил потерявшего сознание Цзинь Линьюэ на спину и бросился в лечебницу.

Добродушный лекарь с сожалением посоветовал ему смириться и готовиться к худшему.

Другой, с куда более скверным нравом, просто вытолкнул его за порог с криком: — Какая скверна! Человек при смерти, а вы тут шатаетесь!

Бай Юйхуэй уже не помнил, в какой по счету лавке молодой лекарский ученик внимательно осмотрел тело Цзинь Линьюэ, призадумался и сказал:

— Пожалуй, есть один способ. Только не знаю, сработает ли.

Потерявший всякую надежду Бай Юйхуэй тут же рухнул на колени и принялся отчаянно бить поклоны.

Лекарь поведал о своем плане, но для него не хватало главного компонента — тысячелетнего женьшеня.

Обычный корень найти легко, а вот тысячелетний — вещь, которую не сыщешь по заказу.

Видимо, судьба Цзинь Линьюэ еще не оборвалась: как раз тогда в городок пожаловал высокий чиновник, и местный наместник, желая угодить гостю, преподнес ему в дар именно такой корень женьшеня.

Хотя Бай Юйхуэй и был озорником, вором он никогда не был.

Но ради того, чтобы Цзинь Линьюэ получил драгоценный женьшень, он пошел на смертельный риск и перелез через забор постоянного двора, где остановился сановник.

Их, разумеется, поймали с поличным.

Выслушав признание юноши о том, зачем он крадет женьшень, сановник усмехнулся:

— Плевать мне на этот корень, только в мире ничего не дается даром. Я отдам тебе женшень
— а что получу взамен?

Бай Юйхуэй изо всех сил вытянул шею, на которую стражники уже наставили клинки, и звонким, чистым голосом юного возраста произнес:

— Всё, что у меня есть, отдам вам.

Когда Цзинь Линьюэ очнулся, Бай Юйхуэя уже и след простыл.

Он смутно помнил, как в бреду голос Бай Юйхуэя звучал совсем рядом.

Тот наставлял его беречь себя, призывал жить дальше, следить за здоровьем, расти, становиться зрелым. Наговорил столько всего, что у Цзинь Линьюэ в полубессознательном состоянии раскалывалась голова.

И вдруг эти бесконечные, ворчливые наставления так же внезапно оборвались.

Он больше не прятался от него в кошки-мышки за деревьями, на крыше или в кадке для воды.

Он исчез окончательно и бесповоротно.

Цзинь Линьюэ искал его, сходил с ума от неизвестности, но от Бай Юйхуэя не доходило ни единой вестей.

Словно растворившись в воздухе, тот больше никогда не появлялся перед глазами Цзинь Линьюэ.

Полгода спустя, когда благородные мужи цзянху открыто потешались над ним, он даже начал сомневаться: а жив ли вообще Бай Юйхуэй?

Только если бы он умер, некому было бы встать за его спиной в тот момент, когда весь мир клеймил его проклятым вестником беды, убившим собственного учителя, и твердо сказать:

— Не бойся, твой старший брат рядом.

— Ты... почему ты бросил меня? Ты же прекрасно знал, что кроме тебя у меня не осталось никого на этом свете.

Цзинь Линьюэ сам опустился в багровое кресло с высокой спинкой, утонув в нем всем телом, словно пытаясь слиться с мебелью воедино.

Длинные белые пальцы мертвой хваткой впились в подлокотники, силясь унять дрожь во всем теле.

Бай Юйхуэй медленно подошел к нему сзади, опустил грубоватую ладонь на прекрасные брови и глаза Цзинь Линьюэ и промолвил:

— Вэнь-янь, натерпелся же ты за эти годы.

Сразу после пробуждения Цзинь Линьюэ безумно и долго искал Бай Юйхуэя — месяц, два, три...

Он метался с юга на север, продираясь сквозь преграды, словно слепой шмель.

Позже в цзянху невесть откуда поползли слухи: мол, два младших ученика Секты Реки и Луны довели главу до смерти своими выходками, а после бесследно исчезли — наверняка прихватили все сбережения покойного пустились в бега по свету.

Куда бы ни прибывался Цзинь Линьюэ, повсюду до него доносились эти злословии.

Не стерпев однажды, он даже схватился с обидчиками.

Но те самые благородные мастера прекрасно умели давить авторитетом, так что Цзинь Линьюэ, разумеется, ничего не добился.

С тех пор он перестал называть свое имя — Юэ Ци, младший ученик Секты Реки и Луны, Юэ Ци.

Время несло вперед, эта старая история постепенно покрывалась пылью, и о ней больше никто не вспоминал.

А потом Цзинь Линьюэ случайно узнал, что при императорском дворе в рядах левого премьер-министра появилась новая грозная сила — некий Бай Юйхуэй.

Спустя множество кругов и скитаний Цзинь Линьюэ тоже пробился к двору — произошло это три года спустя.

Первоначальный гнев и жажда спросить, почему тот ушел без прощанья, за время пути по чиновничьей стезе изрядно стерлись и рассеялись.

Теперь он желал лишь одного: узнать, остался ли его старший брат тем же человеком, который некогда оберегал его всем сердцем.

Но при первой же встрече блистательный Бай Юйхуэй, стоявший рядом, не удостоил его даже беглым взглядом краем глаза.

Он попросту сделал вид, что не знаком с ним!

Хорошо. Прекрасно.

Цзинь Линьюэ решил играть до конца.

Вот только всякий раз, когда он видел, как тот одаривает кого-то другого прежним мягким взглядом, тошнота внутри усиливалась многократно.

В конце концов, характер Цзинь Линьюэ, как и говорил когда-то Бай Юйхуэй, оставался ребяческим — он совершенно не умел прятать свои чувства.

— Зачем же ты пришел сегодня? Извиниться? Иль объяснить?

Цзинь Линьюэ полулежал в кресле, позволяя грубоватой ладони блуждать по своему лицу.

Бай Юйхуэй поднял руку и озарил лицо улыбкой:

— Проводить в дорогу.

— О? В каком же качестве?

— А в каком хочешь?

Цзинь Линьюэ горько усмехнулся:

— Разве я могу снова назвать тебя старшим братом?

Бай Юйхуэй ответил:

— Как тебе угодно, в конце концов, это всего лишь слово.

В глазах Цзинь Линьюэ мгновенно вспыхнул огонек, он едва ли не подскочил на месте:

— Оставим прошлое! Мы оба живы и здоровы, и с нас хватит. Старший брат, неужели мы снова можем жить как прежде?

Как прежде...

Уголки губ Бай Юйхуэя чуть приподнялись, и его рука сама собой коснулась растрепавшихся на лбу Цзинь Линьюэ прядей:

— Вернешься с Юго-Запада — поговорим по душам.

— Хорошо, я буду ждать.

Оба вернулись в свои поместья и долго ворочались в постелях, не в силах сомкнуть глаз.

Цзинь Линьюэ вспоминал свой опрометчивый легкий поцелуй, чувствуя, как лицо заливают краской; при этой мысли он натянул тонкое одеяло повыше, прикрывая половину лица.

Бай Юйхуэй ведь не рассердился тогда, не остановил его — понимал ли он его чувства, или же...

Цзинь Линьюэ промаялся в пустых мыслях до самого рассвета и задремал лишь под утро.

Едва забрезжил свет, как его разбудил слуга у дверей. Пришлось спешно собираться в дорогу, чтобы успеть к месту встречи с министром общественных работ.

Утро в Столице выдалось на редкость ясным и чистым. На душе было легко, и даже в глазах двоилось от недосыпа, но Цзинь Линьюэ всё равно казалось, что небо бесконечно высоко, а родные пейзажи прекрасны.

Он не знал, что на третий день после его отъезда из Столицы при дворе вновь разразится немалая буря.

Министр обороны скончался от болезни.

Придворные лекари дежурили в особняке министра обороны сутки напролет, но так и не смогли спасти его.

Старый министр, только что взошедший на вершину своей жизненной карьеры, так внезапно покинул этот мир.

Желая выразить свою скорбь и сожаление, император лично написал похвальную грамоту и отправил ее гонца прямо в погребальный зал старого сановника.

Для чиновника, всю жизнь прослужившего без особого блеска и промахов, получить посмертно

грамоту, которой можно гордиться из поколения в поколение, означало упокоиться с улыбкой на устах.

Однако в день похорон старого министра совершенно безоблачное небо вдруг прорезал дикий штормовой ветер, заставивший белые погребальные ленты по обе стороны от могильного кургана бешено затрепетать.

Несколько носильщиков гроба затряслись от страха, не решаясь опустить его в землю. В этот момент древко одного из белых знамен переломилось пополам и прямым ударом угодило в лоб шедшему впереди гробовщику.

Человек с рассеченной до крови головой обладал неплохой закалкой и изо всех сил продолжал держать гроб, не позволяя тому рухнуть.

Следом налетал еще один мощный порыв ветра.

Среди летящего песка и камней глаза носильщиков заволокло пылью, а новый удар летящего камня по разбитой голове оказался невыносим; пальцы разжались, и резной черный деревянный гроб с глухим стуком грянулся о землю.

Помимо родственников и домочадцев покойного, на похоронах присутствовало несколько высокопоставленных чиновников — например, правый премьер-министр, который благоволил старому министру.

Крышка гроба сместилась, и лицо старого министра предстало перед глазами собравшихся.

Кто-то в толпе тихо пробормотал:

— Почему у министра Чэня уголки рта в черной крови? Он что, отравлен?

Толпа зашумела.

Правый премьер-министр уверенным шагом приблизился к гробу и присмотрелся: действительно, у правого угла рта министра Чэня виднелась тонкая темная линия запекшейся крови.

Среди присутствовавших нашелся лекарь, с которым старый министр при жизни поддерживал тесные связи; на глазах у изумленной публики он заново осмотрел тело покойного.

В конце концов он почтительно доложил правому премьер-министру:

— Докладываю вашему превосходительству: старый министр скончался от яда.

<http://bllate.org/book/21823/2259731>